

Миродар Белый

Небесный опер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Миродар Белый
Небесный опер

«Автор»

2026

Белый М.

Небесный опер / М. Белый — «Автор», 2026

Макс. Инженер. Тридцать лет, циник, грубиян, одиночка, но с душой нараспашку. Его жизнь оборвалась внезапно, но судьба дала ему второй шанс — вернуться в прошлое, в собственное пятнадцатилетнее тело. Теперь у него есть знания взрослого инженера и память о роковых ошибках молодости. Он знает, кто разбогатеет, где упадёт самолёт и как заработать свой первый миллион, не нарушая законов физики. Но планы по беззаботной жизни богатея рушатся, когда Максим понимает: его возвращение изменило узор мироздания. Древние угрозы стали реальнее, а тени прошлого — длиннее. Ему предстоит стать Высшим Хранителем — оружием Небесной Канцелярии против сил, которые обычные люди считают мифами. Ему придётся ломать кости демонам, бить морду Люциферу и спасти мир от пробуждения Ктулху. Но самое сложное испытание ждёт его там, где он меньше всего ожидает: в сердце. Встретив ту единственную, чью нить судьбы он видел ещё до своего перерождения, суровый Хранитель превращается в яростного Стража.

© Белый М., 2026

© Автор, 2026

Миродар Белый

Небесный опер

Начало

В начале было слово. И было оно матерное. Но по порядку. Итак. Дел накануне навалилось столько, что не помню, как дополз до постели и потерял сознание до утра. Пришёл в себя из-за солнца, бьющего прямо в глаза. Не понял... Окно у меня всегда занавешено, люблю сумрак. А тут солнечный свет как-то пробился. Рывком вскочил с постели и чуть не навернулся. Центр тяжести тела был совершенно в другом месте. Да и тело было не совсем моё. Что за...?! Приплыли. Угораздило мне очутиться в прошлом, лет этак на 15 назад. Тело было моё, мне на тот момент было 15 лет. Сознание 30-летнего в теле подростка - блеск просто. Все планы по одному месту. Снова школа, снова 9 класс... Я подошёл к зеркалу. Из мутного стекла на меня пялился прыщавый подросток со взъерошенными волосами и взглядом затравленного хорька. Твою мать. Пятнадцать лет. Худой, нескладный, в идиотской футболке с каким-то аниме-персонажем. Я поморщился. В тридцать у меня была борода лопатой и плечи, которыми можно было двери вышибать. А тут... Скелет, обтянутый кожей. Руки как спички.

Я попытался напрячь бицепс. Ноль эффекта. Пустота. Это тело не знало ничего тяжелее учебника по алгебре. Ощущение было такое, будто меня запихнули в чужую, неудобную одежду, которая жмёт везде, где только можно.

«Так, соберись», — приказал я сам себе. Паниковать будем потом. Сейчас нужно провести разведку местности.

На столе лежал дневник. Открыл его. Почерк детский, корявый. «Домашка по физике: решить задачи 15-20». «Мама просила купить хлеб». Господи, какая тоска. Я пролистал дальше. Записи о какой-то Ленке из параллельного, мечты о новом скейтборде... Детский сад, штаны на лямках.

Внизу страницы жирным почерком было выведено: «**ЗАВТРА ФИЗ-РА!!!**». Вот это попадос. Физкультура. Шорты, раздевалка, потные тела подростков, запах дешёвого дезодоранта и гормональных бурь. Я застонал. В прошлой жизни я ненавидел эти душевые ещё тогда, а сейчас, с сознанием взрослого мужика, это будет пыткой похлеще китайской.

Но деваться некуда. Я натянул джинсы, которые оказались мне коротки (когда я успел так вырасти?), и поплёлся на кухню. Там мама гремела посудой. Она выглядела молодой. Слишком молодой. Увидев меня, она улыбнулась той самой, родной улыбкой, от которой внутри что-то предательски ёкнуло.

— Проснулся? Умывайся скорее, завтрак стынет! Опять в школу опоздаешь!

Я замер в дверях, глядя на неё. Ей же сейчас сорок с небольшим... Живая. Здоровая. Сердце кольнуло острой иглой. Я ведь помню её другой. Помню больничные коридоры, запах лекарств, тихий плач отца. Этого ещё не случилось. Или уже не случится?

Я молча сел за стол. Передо мной стояла тарелка с яичницей. Я взял вилку. Желание пошутить про холестерин или спросить, есть ли что покрепче чая, я подавил титаническим усилием воли. Вместо этого я просто сказал:

— Спасибо, мам.

Она удивлённо обернулась. Наверное, обычно я хамил или мычал что-то невнятное.

Позавтракав, я вышел на улицу. Район был тот же, но всё казалось меньше, тусклее. Деревья ниже, дома облезлее. И люди вокруг — сплошная школота. Они смеялись над какими-то тупыми шутками, слушали музыку через один наушник, висящий на воротнике куртки. Прimitивы.

До школы идти минут десять. По пути я закурил бы, но в пятнадцать лет я, видимо, ещё не начал. Или начал? Чёрт его знает. На всякий случай решил не рисковать, чтобы не словить инфаркт от никотинового передоза для детского организма.

Школа встретила меня гулом сотен голосов и запахом столовой. Настоящий филиал ада на земле. Я нашёл свой класс. Дверь приоткрыта. Изнутри доносились визги девчонок и басовитое ржание парней.

Я глубоко вдохнул, выдохнул и шагнул внутрь.

Класс затих. Все уставились на меня. Кто-то присвистнул.

— О, явился, не запыхался! — крикнул мой сосед по парте, мелкий пацан по имени Санёк. — Мы думали, ты заболел. Или опять проспал?

Я обвёл взглядом помещение. Парты, исписанные ручкой, плакаты на стенах, доска с незаконченным примером по геометрии. Всё по-старому. Только теперь я знаю цену всему этому дерьму.

Я медленно прошёл к своей парте у окна, плюхнулся на стул и посмотрел на Санька. Он ждал ответа.

— Да нет, — процедил я сквозь зубы, доставая из рюкзака мятую тетрадь. — Просто задумался. Над тем, как прожить этот день, не убив никого из вас.

Санёк икнул и отодвинулся подальше. Кажется, новый старый я произвёл правильное первое впечатление. День обещал быть интересным.

Урок алгебры тянулся, как жвачка, прилипшая к подошве. Марья Ивановна, наша «Алгебраичка», скрипела мелом по доске, выводя очередную параболу, а я смотрел в окно на школьный двор и думал о том, что у меня есть уникальный шанс всё просчитать.

В той жизни я был неплохим инженером-конструктором. Не гением, но руки из правильного места росли, и с логикой проблем не было. А вот в пятнадцать лет я валял дурака, мечтавая стать то рок-звездой, то профессиональным геймером, за что и поплатился потом, работая менеджером по продажам пластиковых окон. Хватит. Теперь у меня есть мозги взрослого мужика и память о технологиях на двадцать лет вперёд. Это не просто второй шанс — это читкод от самой реальности.

Я достал телефон. Старый кнопочный кирпич, который здесь считается пиком технологий. В моей прошлой жизни такой уже через год после выхода считался музейным экспонатом. Я открыл калькулятор. Так, если вложить сейчас сто тысяч рублей... нет, откуда у пятнадцатилетнего пацана сто тысяч? Ладно, начнём с малого. Пятьдесят тысяч под сложный процент на пятнадцать лет...

— Эй! — громкий шёпот Санька вырвал меня из расчётов. — Ты чего там считаешь? План захвата мира?

— Типа того, — буркнул я, не отрывая взгляда от экрана. — Только бюджет пока маловат. И команда дибиллов.

Санёк обиженно засопел и уткнулся в учебник. Он-то думал, мы друзья. Мы и были друзьями, по-детски наивными. Дружба, где предел совместного досуга — игра в «Контру»

по сетке и обсуждение задниц одноклассниц, меня больше не интересовала. Мне нужны были связи, информация и стартовый капитал.

Звонок спас меня от дальнейших математических изысканий. Перемена. Шум, гам, запах булочек из столовой. Я вышел в коридор, чтобы глотнуть воздуха, свободного от запаха мела и подросткового парфюма. У окна стояла она. Та самая Ленка из дневника. Или та, кем она станет. Невысокая, с тёмными волосами, собранными в хвост, и в очках, которые ей безумно шли. В будущем она стала известным офтальмологом, вышла замуж за какого-то хлыща из нефтянки и переехала в Москву. Сейчас же она была просто красивой девчонкой из параллельного класса, которая даже не подозревала о моём существовании.

Я подошёл. Она вздрогнула от неожиданности.

— Привет, Елена Прекрасная, — сказал я, опираясь рукой о стену рядом с её головой. Мой голос звучал ниже и увереннее, чем у любого старшеклассника.

Она покраснела и поправила очки.

— Привет... А ты кто?

— Конь в пальто. Не узнала? Это же я, твой будущий жених. Просто пока замаскировался под этого прыщавого неудачника.

Её глаза расширились. Она явно решала, позвать охрану или просто дать мне пощёчину.

— Дурак какой-то, — фыркнула она и, оттолкнув мою руку, быстро пошла прочь, цокая каблуками.

Я усмехнулся ей вслед. Начало положено. Главное — не перегнуть палку.

Следующим уроком была физкультура. Ад, о котором я вспоминал утром, разверзся во всей красе. Раздевалка пахла смесью пота, дешёвого порошка и отчаяния. Парни переодевались, пытаясь прикрыть руками свои подростковые комплексы. Я спокойно стянул джинсы, оставшись в одних боксерах. Тело было хилым, но без лишнего жира. С этим можно работать.

— Ого, смотри-ка, наш тихоня раскачался за лето! — заржал Пашка, местный альфа-самец, хлопнув меня ладонью по плечу. От удара меня шатнуло. Раньше я бы промолчал, опустив голову. Но теперь...

Я медленно повернул голову. Посмотрел ему прямо в глаза. Взглядом человека, который видел вещи пострашнее, чем тупые шутки школьной гопоты.

— Руку убрал, — очень тихо и внятно произнёс я. — Ещё раз дотронешься — я тебе эту конечность в такое место засуну, что рентгенолог охренеет, когда будет снимок делать. Понял?

Пашка перестал улыбаться. Он увидел в моих глазах не страх, а пустоту. Абсолютное, ледяное спокойствие. Он сглотнул и отступил на шаг назад.

— Да понял, понял... Чего завёлся-то сразу?

Я молча надел спортивные штаны. Первый враг обозначен и поставлен на место. День переставал быть томным. Выходя из раздевалки в спортзал, я подумал: «Ну здравствуй, школа. Скучать нам точно не придётся».

После физры, где я на удивление легко подтянулся больше всех (мышечная память — великая вещь), нас ждал классный час.

В кабинет вошла женщина лет тридцати пяти. Наша классная. Ну что я вам скажу... Она реально классная. Во всех смыслах. Не школьная училка в старомодной кофте, а именно молодая, уверенная в себе девушка с ясным взглядом и чертовски заразной улыбкой. В моей прошлой памяти она была просто «классухой», вечно орущей из-за пропусков. Сейчас же... сейчас я видел её другими глазами.

Это было как удар под дых. Мой внутренний циник, который только что обещал Пашке засунуть руку ему в задницу, вдруг поперхнулся собственным ядом и заткнулся. Он просто стоял и пялился, забыв все свои колкие фразочки.

Она не стала читать нотации про форму или поведение. Она села на край своего стола, скрестив руки на груди, и окинула класс внимательным, но совсем не строгим взглядом.

— Так, народ, — начала она, и её голос был мягким, но пробирал до мурашек. — У меня для вас новость. Через две недели у девятых классов начинается двухнедельная производственная практика. Вместо того чтобы вы сидели по магазинам электроники или били баклуши, мы поступим умнее. Я договорилась с местным IT-парком. Вы идёте туда.

По классу прошёл гул. Кто-то присвистнул. Санёк рядом со мной чуть не подпрыгнул на стуле от восторга.

— Реально? Компьютеры чинить будем?

— Нет, — она усмехнулась, и эта улыбка осветила весь кабинет. — Компьютеры там есть кому чинить. Вас ждёт кое-что поинтереснее. Базовый курс программирования, основы кибербезопасности и работа с реальными проектами. Это шанс посмотреть на будущую профессию изнутри. И да, это будет в зачёт.

Я сидел и смотрел на неё. На то, как она говорит о будущем этих оболтусов с такой искренней верой, будто каждый второй из них — будущий Билл Гейтс. В ней не было ни капли учительского снобизма. Только энергия и желание дать нам реальный инструмент, а не сухую теорию из учебника.

Мой внутренний говнюк окончательно сдался. Перед этой женщиной хотелось быть лучше. Хотелось соответствовать тому свету, который она излучала. Впервые за обе мои жизни я почувствовал странное тепло в груди, совершенно не связанное с физической нагрузкой.

Урок закончился, все повалили к выходу, обсуждая предстоящее приключение. Я медлил, собирая вещи нарочито медленно. Когда класс опустел, она подняла голову от журнала и посмотрела прямо на меня.

— А ты чего остался? Вопросы по практике?

Я подошёл к столу. Слова застряли в горле. Как пятнадцатилетний пацан должен объяснять тридцатилетнему мужику внутри себя, что он влюбился в свою классную руководительницу с первого взгляда? Никак. Поэтому я сказал единственное, что мог сказать мой новый, внезапно проснувшийся мозг:

— Спасибо.

Она удивлённо вскинула бровь.

— За что?

— За практику. За то, что тащите нас в будущее, а не заставляете переключивать бумажки. Это... круто. Правда.

Её взгляд смягчился. Она смотрела на меня так, словно видела впервые. Словно пыталась понять, куда делся тот угрюмый подросток, которого она знала, и откуда взялся этот спокойный парень со слишком взрослым взглядом.

— Рада, что тебе понравилось. Ты ведь увлекаешься компьютерами?

— Да. Очень, — твёрдо ответил я. — Можно сказать, это моя жизнь.

Я вышел из кабинета, оставив её в лёгком недоумении. Но мне было плевать. Теперь у меня появилась цель, гораздо более важная, чем просто разбогатеть. Я должен стать кем-то достойным её внимания. Я должен доказать ей, что во мне есть смысл. Практика в IT-парке — это не просто халявные оценки. Это мой стартовый капитал. Мой билет в новую жизнь, где я смогу стоять с ней на равных, а не прятаться за партой.

«Ну что, старая сволочь, — мысленно обратился я к самому себе из будущего. — Похоже, у нас появился стимул работать».

Практика в IT-парке стала моим личным полигоном. Пока остальные балбесы из класса пытались взломать «косынку» или сидели в соцсетях с древних компов, я впитывал информацию как губка. Сознание взрослого инженера позволяло видеть логику там, где для подростков был просто набор непонятных символов. Я не просто выполнял задания — я их усложнял.

Через неделю я уже помогал наставнику чинить упавшую сеть и написал простенький скрипт, который автоматизировал скучную отчётность. На меня начали смотреть с уважением, смешанным со страхом. Санёк ходил за мной хвостом, пытаясь понять, куда делся его друг-раздолбай.

Но мой главный интерес находился за пределами серверной. Её звали Ольга Викторовна.

Я начал замечать детали, которые ускользали от других. То, как она на секунду дольше задерживала взгляд на мне во время классного часа. Как её улыбка становилась чуть теплее, когда она обращалась ко мне по имени. И то, как она иногда вздрагивала, когда её телефон вибрировал после уроков. Она всегда быстро брала трубку, отворачивалась к окну и говорила очень тихо, почти беззвучно. После таких звонков её плечи напрягались, а сияние в глазах тускнело.

В пятницу вечером я решил проводить её до дома. Не как подросток, провожающий первую любовь под окнами, а как телохранитель. Что-то было не так.

Мы вышли из школы, когда уже стемнело. Фонари горели через один, создавая длинные тени. Ольга шла быстрым шагом, кутаясь в лёгкое пальто.

— Замёрзли? — спросил я, пристраиваясь рядом.

— Немного, вечер холодный, — ответила она, думая о чём-то своём.

— Кто вам названивает постоянно? Если это личное, можете не говорить... но если кто-то доставляет проблемы...

Она остановилась и посмотрела на меня. В свете фонаря её лицо казалось бледным и напряжённым.

— Ты слишком наблюдателен для пятнадцатилетнего мальчика.

— Жизнь научила, — буркнул я.

Она хотела что-то ответить, но тут из-за угла соседней пятиэтажки вырулил чёрный тонированный внедорожник. Он ехал медленно, урча мощным двигателем, словно хищник, выслеживающий добычу. Машина поравнялась с нами и плавно затормозила. Стекло пассажирской двери поползло вниз.

Из салона пахло дорогой кожей и тяжёлым парфюмом. Внутри сидел мужик лет сорока, гладко выбритый, с холодными глазами рептилии и золотой печаткой на пальце. Он лениво осмотрел Ольгу с ног до головы, потом перевёл взгляд на меня. Его губы искривились в ухмылке.

— Оленька, ну сколько можно бегать? Садись, подвезу. Поговорим нормально.

Его голос был маслянистым, противным. Мой внутренний циник мгновенно проснулся, но теперь он был вооружён опытом тридцати лет жизни и полным отсутствием тормозов.

Я сделал шаг вперёд, закрывая собой девушку.

— Дядя, ты глухой или тупой? Или и то, и другое? Проезжай мимо, пока педаль газа не заклинило в твоём корыте навсегда.

Мужик перестал улыбаться. Его глаза сузились.

— А это что за щенок? Твоя новая собачка? Знаешь, что бывает с теми, кто тявкает не по делу?

Он открыл дверь, намереваясь выйти. Это была ошибка.

Я действовал на чистом инстинкте. Молниеносно наклонившись, я схватил с земли кусок грязного льда, оставшийся после недавней оттепели. Когда туша в дорогом костюме поставила одну ногу на асфальт, я с силой швырнул ледышку прямо в центр лобового стекла перед водителем.

Раздался оглушительный хлопок. По стеклу паутиной разбежались трещины.

Водитель дёрнулся назад, машина резко газанула и скрылась за поворотом, визжа покрышками.

Наступила тишина. Ольга стояла позади меня, прижав руку ко рту. Она смотрела то вслед уезжающей машине, то на меня. В её взгляде больше не было напряжения. Там был чистый ужас.

— Господи... Ты... ты мог пострадать. У него же могли быть... они бы тебя...

Она осеклась.

Я повернулся к ней. Спокойствие вернулось полностью. Я видел таких типов сотню раз. Деньги, власть и ощущение безнаказанности. Они думают, что могут купить всё. Но сегодня они обломались.

— Всё нормально, Ольга Викторовна, — сказал я ровным голосом. — Больше он вас не побеспокоит. Я об этом позабочусь.

И в этот момент я понял: я не просто защищаю красивую женщину. Я защищаю своё будущее. Потому что мир, в котором такие уроды могут запугивать её, мне не подходит. Я его изменю. Начиная с этого вечера.

Ольга смотрела на меня так, будто у меня выросла вторая голова. Или рога. В общем, что-то из ряда вон выходящее.

— Ты... ты с ума сошёл? — наконец прошептала она, оглядываясь по сторонам. — Это же был... это мог быть отец Кости Савельева! У него связи в администрации, он...

— Да хоть сам Господь Бог, — перебил я, отряхивая руки от снега и грязи. Ледышка разлетелась красиво. — Мне плевать. Он к тебе приставал. Точка.

Я сказал это так буднично, словно обсуждал погоду. Без пафоса, без геройства. Просто констатация факта. Я поступил бы так снова.

Ольга вдруг схватила меня за рукав куртки. Её пальцы были ледяными.

— Пойдём отсюда. Быстро. Пока они не вернулись... или пока нас не увидели.

Мы быстрым шагом пошли дворами, срезая путь к её дому. Она шла молча, только дышала часто-часто, как после бега. Мы свернули в тёмную арку между домами, где горел один-единственный тусклый фонарь, который больше подчёркивал тени, чем разгонял их.

Она остановилась под этим фонарём и повернулась ко мне. Теперь в её глазах не было ужаса, там плескалась паника вперемешку с какой-то отчаянной благодарностью.

— Зачем ты это сделал? — спросила она почти с укором. — Ты понимаешь, во что влез? Они же... они могут устроить проблемы. Тебе. Мне. Всем. Костя в нашем классе учится, ты забыл?

Я усмехнулся. Уголок рта дёрнулся вверх.

— Проблемы? Пусть попробуют. Этот хмырь привык, что ему все лизут ботинки. Думает, раз у него джип и печатка, то можно вот так подъезжать к учителям. Знаешь, сколько таких самоуверенных идиотов я видел? Их главная слабость в том, что они не верят, что им могут дать сдачи.

Я сунул руки в карманы и посмотрел ей прямо в глаза.

— Не бойся. Я решу этот вопрос.

Она долго молчала, изучая моё лицо. Наверное, пыталась найти признаки юношеской бравады или глупости. Но видела перед собой лишь спокойный, холодный взгляд человека, который знает цену словам и действиям.

— Ты странный, — тихо сказала она, отступая на шаг назад. — Иногда мне кажется, что ты намного старше всех нас.

— Так и есть, — просто ответил я. — Намного старше.

На следующий день в школе всё шло своим чередом. Обычная суэта, шум, запах столовой. На большой перемене я стоял у окна в коридоре, наблюдая, как Санёк пытается склеить девчонку из параллельного, используя весь свой скудный словарный запас комплиментов.

И тут я увидел его.

Костя Савельев, наш местный мажор и сынок того самого деятеля, шёл по коридору вальяжной походкой хозяина жизни. Рядом семенили два его подпевалы. Костя остановился возле стенда с расписанием, достал телефон и начал кому-то названивать.

План созрел мгновенно. Простой, грубый и очень действенный. Никакого пафоса, чистая механика.

Я достал свой кирпич-телефон и набрал номер. Дождавшись ответа, я заговорил громким, уверенным голосом, чтобы перекрыть гул перемены:

— Алло, полиция? Звоню по поводу вчерашнего инцидента на улице Ленина. Чёрный внедорожник, номера не запомнил, но водила вёл себя агрессивно, пытался силой посадить девушку в машину. Да, свидетель готов дать показания. Записывайте мои данные...

Я говорил чётко, глядя прямо на Костю. Тот сначала лениво шарил взглядом по толпе, ища источник звука. Когда наши взгляды встретились, я чуть заметно кивнул ему и продолжил говорить в трубку ещё пару секунд для убедительности, после чего нажал отбой.

Лицо Кости изменилось. Самодовольная ухмылка сползла, сменившись бледностью и злобой. Он понял. Понял, что вчерашний облом может иметь последствия. Что папин авторитет не всегда работает. Он процедил что-то своим шестёркам и быстро пошёл в сторону лестницы, нервно озираясь.

Я отвернулся к окну и улыбнулся своему отражению в стекле.

«Один-ноль», — подумал я про себя.

Эффект от моей маленькой диверсии превзошёл все ожидания. Костя Савельев ходил по школе как в воду опущенный. Его обычная спесь сменилась нервной дёрганостью. Он постоянно оглядывался, шептался со своими друзьями и бросал на меня взгляды, полные бессильной злобы.

Это было проще, чем починить протекающий кран. Никакого физического насилия, чистая психология. Я просто показал этому золотому мальчику, что его мир не такой уж безопасный, а папины деньги не решают абсолютно всё. Особенно когда на горизонте маячит перспектива объяснений с органами.

На классном часе Ольга Викторовна была непривычно тихой. Она то и дело поглядывала на меня, словно пытаясь понять, причастен ли я к внезапному изменению в поведении её главного мучителя. Наши взгляды встретились всего на секунду, но в этой секунде было больше

сказано, чем за целый день болтовни. В её глазах читалось: «Спасибо», смешанное с тревогой: «Только бы ты не наделал глупостей».

Я лишь едва заметно кивнул ей, мол, всё под контролем, расслабься.

После уроков я не пошёл домой. Санёк звал зависнуть у него, поиграть в новую игрушку, но я отказался. У меня были дела поважнее. Я сел на автобус и поехал на другой конец города, в промзону. Там, среди складов и автосервисов, находился мой будущий актив.

Это был небольшой бокс, арендованный местным умельцем дядей Витей. Дядя Витя чинил всё подряд — от советских холодильников до китайских электросамокатов. Место было пропитано запахом канифоли, машинного масла и сгоревшей проводки. Для кого-то это помойка, для меня — рай.

Дядя Витя, мужик лет пятидесяти с носом, похожим на картошку, встретил меня хмуро.

— Опять припёрся? Чего надо? Денег нет, халтурить не дам.

— Мне не денег, дядь Вить, — сказал я, проходя внутрь и с удовольствием осматривая верстаки, заваленные деталями. — Мне знаний. И места.

— Места? Ты чего удумал-то?

— Хочу паять научиться. По-серьёзному. Не эти ваши сопли на макетной плате, а нормальную схемотехнику. Вы же умеете. Научите.

Он посмотрел на меня с прищуром, вытирая руки грязной тряпкой.

— А зачем тебе? Компьютер есть, играйся там. Настоящее железо — оно грубое.

— Затем, что через пятнадцать лет всё будет завязано на *интернет вещей*. Умные дома, автопилоты, гаджеты. Кто сейчас научится собирать это из говна и палок, тот потом будет стоить миллионы. Я хочу быть тем, кто стоит миллионы.

Дядя Витя хмыкнул. Мой деловой тон явно сбил его с толку. Пятнадцатилетний пацан, говорящий о будущем как прожжённый бизнесмен, — зрелище не самое частое.

— Миллионы... Ну-ну. Ладно, чертяка языкастый. Посмотрим, на сколько тебя хватит. Приходи завтра после школы. Дам тебе кусок текстолита и паяльник. Если не сбежишь от воня — будем говорить.

Я возвращался домой поздно вечером, усталый, но довольный. День выдался продуктивным: один мажор поставлен на место, сделан первый реальный шаг к финансовой независимости. Жизнь налаживалась.

Подходя к своему подъезду, я заметил знакомый чёрный силуэт. Джип стоял метрах в ста от моего дома, уткнувшись мордой в кусты. Тонированное стекло медленно поползло вниз.

Внутри сидел отец Кости. Один. Без охраны или дружков. Он смотрел на меня без всякой злобы, скорее изучающе и даже с каким-то уважением.

— Эй, парень, — его голос из динамика звучал глухо. — Подойди.

Я остановился. Идти к нему было последним, что хотелось делать, но убежать — значит показать слабость. Я подошёл к машине, сунув руки в карманы куртки.

— Слушаю.

Мужчина помолчал, разглядывая меня.

— Ты смелый. Или очень тупой. Обычно дети твоего возраста боятся таких звонков.

— Я не боюсь ни вас, ни ментов, — честно ответил я. — Я делаю то, что считаю правильным. Оставьте Ольгу Викторовну в покое. Она хороший человек.

Он криво усмехнулся.

— Хороший человек... Знаешь, сколько вокруг «хороших людей»? Ей ничего не угрожало. Просто разговор.

— Разговоры выглядят иначе. Ваш сын учится с ней в одном здании. Могу устроить так, что он вылетит оттуда быстрее, чем успеет сказать слово «папа».

Улыбка сползла с его лица. Взгляд стал холодным, как лёд.

— Угрожаешь?

— Предупреждаю. Держитесь от неё подальше. Это последнее предупреждение.

Я развернулся и пошёл к подъезду, чувствуя спиной его тяжёлый взгляд. Я не оборачивался. Война была объявлена, но правила игры теперь диктовал я.

Следующая неделя прошла в режиме холодной войны. Костя и его свита обходили меня стороной, словно я был радиоактивным. В классе повисла странная тишина. Исчезли вечные подколы над слабыми, прекратились мелкие кражи ручек и перекидывание записок с оскорблениями. Мой авторитет, подкреплённый репутацией психа, который не боится взрослых, вырос до небес.

Я сидел на своём месте у окна и наблюдал за этим социальным экспериментом со спокойствием энтомолога, изучающего новый вид муравьёв. Санёк пытался завести разговор о новой игре, но я слушал вполуха.

— ...и там такой босс! Огромный! А мы ему...

— Слышь, Сань, — перебил я его, кивая на заднюю парту. Там двое «шакалов» из окружения Кости пытались отобрать у тихого ботаника Витька наушник. — Глянь туда.

Санёк обернулся.

— Ну, опять эти...

— Хватит.

Я сказал это тихо, но так, что услышали все. Я медленно поднялся из-за парты. Класс затих. Я прошёл между рядами, взял одного из хулиганов за шкуру и просто выволок его в проход.

— Ты, чучело, — мой голос звучал ровно и невыносимо скучно. — Ещё раз увижу, как ты трогаешь чужие вещи или кого-то задираешь, я сломаю тебе указательный палец. Просто чтобы ты помнил, почему нельзя быть мудаком. Понял?

Парень побелел и часто закивал. Его дружок испарился сам собой, забыв про наушник. Я отпустил воротник, и он рухнул обратно на стул, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Вернувшись на место, я достал учебник физики. Тишину в классе можно было резать ножом.

Но школа школой, а старые связи никуда не делись. После уроков я вышел во двор нашего микрорайона. Здесь всё было по-прежнему: ржавая горка, покосившиеся качели и компания местной гопоты, оккупировавшая единственную целую лавочку. Они были королями этого бетонного болота. Курили дешёвые сигареты, сплевывали сквозь зубы и цеплялись ко всем, кто выглядел слабее.

Во главе компании сидел Лысый — здоровенный детина лет двадцати пяти, уже отсидевший пару раз за мелкое хулиганство. Он считал себя здесь главным авторитетом. Сейчас он лениво пинал пустую банку из-под энергетика, которую бросил какой-то школьник.

Я подошёл ближе и остановился метрах в трёх от них. Компания заметила меня не сразу. Когда же они подняли головы, на их лицах начали расползаться привычные ухмылки.

— Опа-на, смотрите-ка, кто тут у нас? Наш местный хакер-программист, — протянул Лысый, поднимаясь с лавочки. — Чего надо, очкарик? Деньги на интернет скидываем?

Я молча смотрел на него. Взгляд тридцатилетнего мужика, который видел настоящих бандитов, а не этих дворовых позёров. Это сбивало с толку.

— Тебе говорю, глухой? Или смелый стал?

Он сделал шаг вперёд, нависая надо мной. От него пахло потом и дешевым табаком. Стандартная тактика запугивания габаритами.

— Лысый, — спокойно произнёс я, даже не шелохнувшись. — У тебя сестра есть. Младшая. Света вроде бы. Ходит в школу через два квартала отсюда.

Ухмылка сползла с лица гопника. Он замер.

— И что?

— Ничего. Просто если я ещё раз увижу, как ты или твои дебилы докапываетесь до младших классов... или хотя бы курите при ней... я найду способ сделать твою жизнь очень интересной. Например, расскажу одному своему знакомому оперу, где именно находится тот склад краденого металлолома, которым твой кореш занимается. Или скину анонимку участковому про шум после одиннадцати. Поверь, я умею быть очень убедительным.

Лысый сглотнул. Он понял. Перед ним стоял не испуганный подросток, а хищник другого калибра. Опасный и непредсказуемый.

— Ты чего несёшь? Какая анонимка?

— Та самая. Так что передай своим: этот двор теперь нейтральная территория. Кто тронет ребёнка — будет иметь дело со мной. А я, в отличие от вас, не кулаками махать привык.

Я развернулся и пошёл прочь, чувствуя спиной тяжёлый взгляд. Но никто не посмел сказать ни слова вслед. Порядок нужно наводить везде, а не только в стенах школы.

Жизнь вошла в странную, но приятную колею. Дни были забиты под завязку: школа, где я теперь держал класс в стальном кулаке спокойствия; практика в IT-парке, где мои знания из будущего вызывали у наставников неподдельное изумление; и вечера в гараже у дяди Вити, пропахшем канифолью.

Там я чувствовал себя на своём месте. Взрослое сознание с упоением решало прикладные задачи. Мы не просто паяли мигалки на светодиодах. Я объяснял дяде Вите принципы работы *ESP32*, показывал, как можно собрать умный датчик влажности для цветов его жены за копейки вместо того, чтобы покупать дорогую китайскую поделку. Он хмыкал, называл меня «чёртовым вундеркиндом», но слушал очень внимательно. Моё уважение к этому простому мужику росло с каждым днём — он умел работать руками так, как мне и не снилось.

В школе же главным призом была она. Ольга Викторовна.

После того случая с джипом между нами установилось негласное перемирие и... доверие. Она больше не вздрагивала от звонков. Наоборот, её взгляд при виде меня теплел. Во время классного часа она часто останавливалась возле моей парты, опиралась бедром о столешницу и мы обсуждали что-то отвлечённое — новые технологии, книги (оказалось, она любила Стругацких), будущее после экзаменов. Это было похоже на лёгкий флирт двух взрослых людей, случайно запертых в теле подростка и молодой учительницы посреди школьного хаоса.

— Ты какой-то слишком серьёзный для своего возраста, — сказала она однажды, проверяя мой отчёт по практике. — Иногда мне кажется, что ты смотришь на всех нас как на забавных зверушек в зоопарке.

Я поднял на неё глаза от экрана ноутбука.

— Может быть. Просто я знаю, чем всё это закончится для большинства из них. Поверь, ничего выдающегося. А я хочу другого финала.

Она улыбнулась, но в этой улыбке проскользнула грусть.

— И какой финал хочешь ты?

— Тот, где ты не боишься ходить вечером одна.

Её лицо стало серьёзным. Она накрыла мою руку своей ладонью. Всего на секунду, но этого хватило, чтобы по спине пробежал разряд тока.

— Спасибо тебе. Правда. Но будь осторожен. Не лезь на рожон. У этих людей длинные руки.

— Пусть попробуют дотянуться, — усмехнулся я, возвращаясь к коду.

Однако мир решил проверить мою самоуверенность на прочность в пятницу вечером. Я задержался в гараже, помогая дяде Вите перебраться генератор. Когда я вышел на улицу, уже совсем стемнело. Фонарь над воротами автосервиса не горел.

Из темноты, отделившись от стены склада, вышли две фигуры. Не гопники из моего двора — эти были одеты чище, двигались увереннее. Профи. Или те, кто мнил себя профи.

— Ну привет, герой, — сказал один из них, поигрывая кастетом. Голос был незнакомым. — Поговорить надо.

Я вздохнул и поставил сумку с инструментами на землю. Внутри шевельнулось знакомое чувство опасности, смешанное со скукой. Опять драка. Как предсказуемо.

— Валяйте, — спокойно ответил я, оценивая диспозицию. Слева стена, справа они. Узкий проход. — Только быстро. У меня ещё сериал недосмотрен.

Они переглянулись, удивлённые моим тоном. Первый сделал выпад, целясь кастетом в голову. Слишком медленно, слишком очевидно. Я ушёл с линии атаки, перехватил его руку и, используя инерцию движения, впечатал его лицом прямо в кирпичную кладку стены. Раздался влажный хруст.

Первый выбыл.

Второй оказался чуть быстрее. Он успел достать нож-бабочку. Щёлкнуло лезвие.

— Ну всё, сука...

Он сделал резкий выпад вперёд. Лезвие сверкнуло в тусклом свете дальнего фонаря. Я не стал пытаться отобрать нож или проводить сложные приёмы. Я просто встретил его прямым ударом ноги в колено. Что-то отчетливо хрустнуло. Нож выпал из ослабевших пальцев. Нападавший рухнул на асфальт, издав вой, похожий на визг раненого животного.

Я подобрал нож, сложил его и убрал в карман куртки. Потом посмотрел на двоих корчащихся на земле противников. Один тихо поскуливал, прижимая сломанный нос, второй пытался отползти, волоча за собой искалеченную ногу.

— Передайте своему боссу, — сказал я громко, чтобы оба слышали, — что если я увижу рядом со школой хоть одну подозрительную машину, завтра утром анонимное заявление об угрозе жизни несовершеннолетнему будет лежать у прокурора. Копию я отправлю куда следует. Свободны.

Я закинул сумку на плечо и пошёл к остановке, перешагнув через тело того, что с ножом. Драка закончилась, даже толком не начавшись. Они ждали испуганного пацана, а встретили человека, который умеет ломать кости без лишних эмоций. Это был хороший урок. Для них.

С Ольгой Викторовной было легко. Невероятно легко. Мы говорили на одном языке, пропуская ту неловкую подростковую ерунду про «нравится-не нравится», попытки казаться круче и страх отказа. В наших разговорах не было места для дешёвых понтов или подростковых комплексов. Мы обсуждали архитектуру процессоров, спорили о том, какой язык программирования лучше подходит для микроконтроллеров (*Rust* против *C++*), и смеялись над

абсурдностью школьной программы по информатике. С ней я мог быть собой — тем тридцатилетним циником, который просто попал в чужое тело. И она принимала это. Более того, ей это нравилось.

Иногда, когда мы оставались вдвоём после уроков (под предлогом подготовки к практике, конечно), я ловил себя на мысли: насколько же проще всё могло бы быть. В той жизни, если бы мы были ровесниками... Я отгонял эти мысли. Это был тупик. Она — учитель, взрослая женщина, а я — формально её ученик, сопливый пацан. Мост через эту пропасть построить невозможно, можно лишь любоваться видом с одного из берегов.

Но мой психологический возраст проглядывал сквозь биологический всё сильнее. Это замечали все. Тренер по физкультуре перестал делать мне замечания за пропуски, увидев, как я жму штангу. Одноклассники перестали звать меня на вписки, потому что я либо отказывался с непроницаемым лицом, либо молча уходил курить на балкон, брезгливо глядя на их пьяные выходки. Они чувствовали дистанцию, которую я выстроил вокруг себя, и инстинктивно держались подальше.

Тело стремительно обрастало мясом. Годы сидячей работы в офисе сменились адским трудом в гараже и базовыми силовыми упражнениями, которые я помнил со времён своей молодости. Худой подросток превращался в жёсткого, поджарого парня. Джинсы трещали по швам, старые футболки пришлось выкинуть — они стали малы в плечах.

Взгляд становился злее. Не в смысле подростковой агрессии, а в смысле холодной, оценивающей пустоты. Взгляд человека, который знает цену боли и не боится её причинять. Когда я проходил мимо компании Лысого во дворе, теперь уже они отводили глаза. Мой сломанный нос и нож в кармане стали лучшей рекомендацией. Мир уважает только силу, и я давал ему понять, что у меня этой силы в избытке.

Однажды, проверяя очередную плату, я слишком сильно задумался. Дядя Витя окликнул меня:

— Эй, инженер! Ты где витаешь? Опять свою училку представляешь?

Я вздрогнул. Рука дрогнула, и капля припоя упала не туда, куда нужно.

— Чего несёшь? — огрызнулся я резче, чем хотел. — Делом займись.

Дядя Витя хохотнул, но осёкся, посмотрев на моё лицо. Он увидел там не пятнадцатилетнего паренька с гормонами, а взрослого мужика, чьи мысли были заняты чем-то очень серьёзным и, возможно, опасным.

— Ладно-ладно, понял, — примирительно поднял он руки. — Злой ты стал. Как волчара.

Я ничего не ответил, снова берясь за паяльник. Он был прав. Я действительно представлял её. Представлял, как мы могли бы сидеть в кафе, пить кофе и смеяться над глупыми шутками. А потом реальность была под дых: школьный звонок, её официальный тон перед классом, испуганный взгляд, когда она думает, что никто не видит.

Эта двойственность выматывала. Быть сильным снаружи и беспомощным внутри своего положения. Единственное, что оставалось неизменным — это цель. Стать кем-то, кто сможет защитить то, что ему дорого. И стать достаточно умным, чтобы переиграть этот грёбанный мир по своим правилам.

Экзамены на носу, а мне было плевать. Алгебра и русский язык казались атавизмами, ненужной шелухой по сравнению с тем, что я строил в гараже. Дядя Витя уже не просто позволял мне ковыряться в схемах — мы стали партнёрами.

Мой проект «умного дома» для его жены перерос во что-то большее. Я собрал прототип системы управления для небольшого тепличного хозяйства. Датчики влажности, температуры, автополив, управляемый через дешёвый китайский модуль связи. Когда один из местных фермеров увидел это в действии у дяди Вити на даче, он предложил деньги за такую же систему для своих парников. Мы назвали это «Вектор-Тех». Звучало солидно.

Деньги были не главной целью. Главное — легализация моих знаний. Мне нужен был официальный статус, чтобы никто не мог ткнуть пальцем и сказать: «Ты просто школьник, сиди и молчи».

Но школа всё равно настигла. И ударила под дых.

Это случилось после уроков. Ольга Викторовна задержалась в классе, перебирая какие-то бумаги. Я ждал её у двери, прислонившись к стене. Хотел проводить до остановки, как делал это последние пару недель — жест вежливости, который говорил больше любых слов.

Из-за угла вырулила наша математичка, Марья Ивановна. Старая гримза, которая терпеть меня не могла ещё в первый раз. Она смерила нас взглядом, поджала губы так, что они превратились в тонкую нитку, и процедила сквозь зубы:

— Развлекаетесь, Ольга Викторовна? Учеников совращаете?

Я почувствовал, как внутри закипает ледяная ярость. Не та горячая подростковая злость, а холодная, расчётливая ненависть взрослого человека, видевшего, как подобные сплетни ломают судьбы.

Ольга побледнела. Это был удар ниже пояса, публичное унижение.

— Что вы себе позволяете... — начала она, выпрямляясь во весь рост.

— А что тут позволять? — перебила математичка, повышая голос так, чтобы слышали проходящие мимо старшеклассники. — Все видят, как он вокруг вас круги наворачивает. Цветы носит. Взглядами обжигает. Непорядок это. Аморально.

Во мне проснулся зверь. Медленно отлепившись от стены, я сделал шаг вперёд. Мой взгляд, ставший за эти месяцы жёстким и тяжёлым, упёрся прямо в лицо старой ведьмы. Я подошёл вплотную, нарушая все личные границы. Ей пришлось задрать голову, чтобы смотреть на меня.

— Слушай сюда, карга старая, — мой голос был тихим, но таким звенящим, что казалось, сейчас лопнут стёкла. — Ещё одно слово в её адрес, хоть одно грязное предположение, и твоя пенсия покажется тебе раем по сравнению с тем адом, который я тебе устрою. Я знаю, где живёт твой сын-наркоман. Я знаю про твои махинации с отчётностью на классных часах. Ты думаешь, ты неприкосновенная? Ошибаешься. Я сотру тебя в порошок. Исчезнешь отсюда без шума и пыли. Поняла?

Она смотрела на меня огромными глазами, хватая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Она видела перед собой не ученика, а палача. Наконец, она судорожно кивнула и, развернувшись на каблучках, почти побежала прочь по коридору.

Наступила тишина. Я повернулся к Ольге. Она стояла белая как мел, прижав папку с документами к груди. В её глазах читался не страх, а шок.

— Зачем... зачем ты так? — прошептала она. — Теперь будет только хуже. Она напишет жалобу директору...

— Пусть пишет, — отрезал я, беря её сумку. — Директор знает, кто приносит школе реальные деньги на оборудование. А эта дура может идти лесом. Пойдём. Тебе нужно на воздух.

Мы вышли на улицу. Вечерний город шумел вокруг, но нам казалось, что мы в вакууме. Я чувствовал её дрожь.

— Они не понимают, — сказал я, глядя куда-то вдаль, на поток машин. — Ничего не понимают. Для них это игра. Сплетни, интриги. А это жизнь. Моя. Твоя.

Она остановилась и взяла меня за руку. Просто сжала ладонь своими холодными пальцами.

— Спасибо, — выдохнула она. — Но ты слишком взрослый для этого всего. Иногда мне страшно рядом с тобой.

— Не бойся, — я посмотрел ей в глаза, — Я никогда не причиню тебе вреда. Никогда.

И в этот момент я понял окончательно: назад дороги нет. Я либо вырву нас обоих из этой клетки, либо сожгу эту школу дотла. Третьего не дано.

Изменения не могли остаться незамеченными вечно. Родители — не идиоты, особенно когда дело касается их единственного сына.

Это случилось в субботу вечером. Я сидел у себя в комнате, паяя очередную плату для системы автополива. В наушниках грохотал старый добрый *Slayer*, заглушая звуки внешнего мира. Дверь распахнулась без стука. На пороге стояли оба: отец и мать. У отца в руках была моя старая футболка, которую я носил ещё полгода назад. Она болталась на его кулаке как тряпичная кукла.

— Это что такое? — голос отца звучал глухо. Он перевёл взгляд с крошечной футболки на меня, потом оглядел комнату. Взгляд зацепился за гантели в углу, банки с флюсом, разобраный системный блок на столе.

Я снял наушники. Музыка стихла.

— Футболка. Старая. Выбросить хотел, — спокойно ответил я, откладывая паяльник.

— Старая? — мать шагнула в комнату, её голос дрожал от смеси страха и недоумения. — Сынок... ты же вырос из неё полгода назад! А сейчас... Посмотри на свои плечи!

Отец молча подошёл ближе. Он был выше меня, всегда казался мне гигантом. Но сейчас ему пришлось смотреть почти вровень. Мой рост тоже рванул вверх, догоняя мышечную массу. Мы встретились взглядами. Его — растерянный, ищущий подвох. Мой — спокойный и тяжёлый.

— Что происходит? — наконец спросил он. — Ты изменился. Не просто повзрослел. Ты стал другим человеком. Ты смотришь так, будто мы тебе чужие.

Мать всхлипнула где-то позади него.

Я вздохнул. Лгать им было бы подло. Они заслуживали правды, какой бы безумной она ни была.

— Садитесь, — сказал я, кивнув на кровать. Сам я остался стоять, прислонившись к столу. — Разговор будет долгим.

Они переглянулись, но послушались. Отец сел прямо, сложив руки на коленях, словно готовясь к плохим новостям от врача.

— Помнишь, год назад я попал в больницу? С отравлением? — начал я издалека.

— Конечно помним, — кивнула мать. — Врачи говорили, это стресс переходного возраста...

— Нет, мам. Это было не отравление. Это моё сознание... возвращалось. Понимаешь, я уже жил этой жизнью. Однажды. Мне было тридцать лет. У меня была работа, ипотека, планы. И всё пошло наперекосяк. Я умер там. Или уснул. А проснулся здесь, в этом теле пятнадцать лет назад.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только тихим гулом блока питания компьютера.

Отец хмыкнул. Горько, невесело.

— Интересная версия. Очень. Психологам расскажешь?

— Пап, посмотри на меня. Вспомни меня полгода назад. Тощий задрот, который сутками залипал в игры и боялся слово поперёк сказать. Где этот пацан? Я знаю вещи, которые он знать не мог. Я умею то, чему учатся годами. Я помню даты, которые ещё не наступили. Например, я могу рассказать тебе курс доллара через неделю. Хочешь проверить?

Отец открыл рот, чтобы возразить, но закрыл его. Он смотрел на мои руки, покрытые мелкими шрамами от паяльника и занозами от работы по дереву. Но эти руки не могли принадлежать подростку.

— Зачем? — тихо спросила мама. Слезы текли по её щекам, но она даже не пыталась их вытереть. — Зачем ты нам это говоришь? Если это правда... Господи, если это правда, то как же страшно...

— Потому что я устал притворяться, — честно ответил я. — Я люблю вас. Вас обоих. И я хочу, чтобы вы знали: тот человек, которым я стал — это всё ещё ваш сын. Просто... более опытный. Я здесь, чтобы защитить нашу семью. Чтобы сделать вас счастливыми. Чтобы успеть исправить ошибки, которые совершил в первый раз.

Отец долго молчал, глядя в пол. Затем он медленно поднял голову. В его глазах больше не было скепсиса. Там была боль и попытка принять невозможное.

— Значит, ты знаешь будущее? — глухо спросил он.

— Знаю общие тенденции. Войны не начнётся, доллар не рухнет, но жизнь легче не станет. Поэтому я и занимаюсь тем, чем занимаюсь. Нам нужны деньги и независимость.

Отец встал. Он подошел ко мне вплотную и положил тяжёлую руку мне на плечо. Рука дрожала.

— Кем бы ты ни был... или что бы с тобой ни случилось... спасибо, что вернулся именно сюда. К нам.

Он неловко обнял меня. Мама тут же бросилась к нам, обхватив нас обоих. Мы стояли посреди комнаты, три человека, связанные узами крепче времени, и молчали. Говорить было не о чем. Всё самое главное уже было сказано.

Вызов «на ковёр» не заставил себя ждать. Уже в понедельник, на первом же уроке, в класс заглянула секретарша и сухим голосом произнесла:

— *Иванов*, к директору. Срочно.

Я спокойно собрал вещи под сочувственными взглядами одноклассников и шепотком Санька: «Ну ты попал». Попал не я. Попали они, решив играть со мной во взрослые игры.

Директор, Пётр Алексеевич, был человеком старой закалки. Он управлял школой как своей вотчиной уже лет двадцать. В его кабинете всегда пахло пылью и валерьянкой. Сейчас он стоял у окна, сцепив руки за спиной, и смотрел на школьный двор так, словно там маршировали вражеские войска.

— Садись, — бросил он, даже не повернувшись. Голос звучал устало.

Я сел на стул для посетителей. Молча ждал продолжения. Директор наконец развернулся. Он посмотрел на меня тяжёлым взглядом из-под кустистых бровей.

— Что ж ты творишь-то, Иванов? — спросил он без предисловий. — Ты понимаешь, что подставляешь человека? Ольга Викторовна — прекрасный педагог, но она работает в государственной системе. А ты своими выходками ставишь её карьеру под удар.

— Я защищаю женщину от домогательств и клеветы, — ровно ответил я. — Это называется порядочность. Хотя вам, возможно, незнакомо это слово.

Директор поморщился, будто съел лимон.

— Не умничай. Марья Ивановна написала докладную. Оскорбление действием, угрозах... Она утверждает, что ты психически неуравновешен.

— Пусть пишет. У меня есть встречное заявление. О преследовании учителя со стороны родителя ученика. И показания свидетелей, которые видели тот чёрный джип у школы. Хотите устроить публичные слушания? Давайте. Я готов. Посмотрим, чья репутация пострадает больше: выжившей из ума математички или уважаемого бизнесмена Савельева, который таскает с собой бандитов.

Упоминание Савельева-старшего сработало как выстрел. Лицо директора окаменело. Он медленно прошёлся по кабинету и тяжело опустился в своё кресло.

— Ты играешь с огнём, парень.

— Нет, — отрезал я. — Это вы позволяете этой старой ведьме травить хорошего человека. Я просто убрал мусор с дороги. Один раз. Больше не понадобится. Если кто-то ещё откроет рот про Ольгу Викторовну... или если я увижу рядом со школой хоть одну подозрительную машину... последствия будут необратимыми. Для всех.

Я встал.

— Разрешите идти?

Директор долго молчал, изучая меня. Он видел перед собой не подростка, а противника, равного по силе и жестокости. Наконец он махнул рукой.

— Иди. И... будь осторожен.

Выйдя из кабинета, я прислонился к стене в коридоре и выдохнул. Первый раунд остался за мной. Но сколько их ещё будет?

Вечером того же дня я сидел в гараже. Паяльник тихо шипел, соединяя тонкие дорожки на плате. Дядя Витя возился в углу с генератором, насвистывая какой-то блатной мотивчик.

Мысли были невесёлыми. Математичка была лишь верхушкой айсберга. За ней стояла система. Мелкие завистники, боящиеся всего нового и живого, как огня. Те, кому спокойнее жить в болоте. Чтобы защитить то, что мне дорого, придётся стать санитаром этого леса. Придётся запугать, сломать или уничтожить каждого, кто посмеет поднять руку на мою семью или на неё.

«Сколько?» — спрашивал я сам себя.

Ответ пришёл холодный и циничный, но честный: столько, сколько потребуется. Пока эта школа, этот город, этот мир не научится оставлять нас в покое. Я не святой. Я просто умею быть очень злопамятным сукиным сыном. И сейчас моё терпение закончилось.

Она держала дистанцию. Чёткую, профессиональную грань. После того как слухи о «неустановленных отношениях» поползли по учительской, она словно возвела вокруг себя стеклянную стену. В школе мы общались исключительно на «вы», и наши разговоры касались только учёбы или предстоящей практики. Никаких взглядов дольше секунды, никаких улыбок с двойным дном.

Я принял эти правила игры без единого возражения. Это было правильно. Так безопаснее для неё в первую очередь. Моё это могло бы потребовать штурма этой крепости, но разум взрослого мужчины говорил: *«Не дави. Дай ей дышать»*.

Мы сдружились. Странная, вывернутая наизнанку дружба двух людей, разделённых возрастом и статусом, но объединённых одной волной. Я был её молчаливым телохранителем и единственным человеком, с которым она могла быть абсолютно честной, не боясь осуждения. Она перестала вздрагивать от каждого звонка. Когда на педсовете кто-то начинал шептаться, достаточно было мне просто повернуть голову и посмотреть на сплетника тяжёлым взглядом, чтобы тот подавился словами.

Королём френдзоны я не стал. Потому что это была не френдзона. Это был стратегический союз. Мы оба понимали расклад сил и играли свои роли безупречно. Для всех остальных — строгая училка и проблемный, но талантливый ученик. Наедине — два человека, прикрывающих друг другу спину в этом змеином гнезде.

А вот поддержку она нашла. И это стало для меня неожиданностью, которая почему-то отозвалась глухой ревностью где-то под рёбрами.

Это случилось после очередного педсовета, который затянулся до позднего вечера. Я ждал её у выхода, прислонившись к фонарному столбу и грея руки в карманах. Из дверей школы вышел наш историк, Андрей Николаевич. Молодой парень, лет двадцати семи, недавно пришёл из института. Вечно растрёпанный, в старом свитере, он казался здесь белой вороной среди старых гримз.

Он увидел Ольгу, выходящую следом за ним, и его лицо озарилось такой искренней, тёплой заботой, что я невольно напрягся.

— Оля, ну куда ты опять одна? Темень же! Давай подвезу, мне всё равно по пути.

Она устало улыбнулась ему. Не так, как мне. По-другому. Легко, без напряжения.

— Спасибо, Андрюш. Я жду кое-кого.

Андрей перевёл взгляд на меня. Он смотрел без страха, скорее с любопытством. Оценивающе.

— А, гроза педсостава. Наслышан. Ну, если что, мой номер у тебя есть. Звони в любое время, если этот цербер будет буяннить.

Они переглянулись и тихо рассмеялись какой-то общей шутке. Историк сел в свою потёртую «Ладу» и уехал, посигналив на прощание.

Ольга подошла ко мне. Её щеки слегка порозовели от мороза.

— Пошли?

Я кивнул. Мы пошли в тишине. Лишь через пару минут я нарушил молчание:

— Хороший парень. Этот... историк.

— Да, — просто согласилась она. — Очень хороший. Настоящий. Знаешь, иногда так хочется поговорить с кем-то, кто понимает тебя с полуслова, а не видит во мне только функцию «учитель».

— Понимаю, — выдавил я, глядя прямо перед собой.

Внутри бушевал шторм. Логика кричала: *«Отличный вариант! Ровесник, свой человек в коллективе, защитит её лучше любого малолетки!»*. А какая-то тёмная, иррациональная часть меня хотела найти этого Андрея и объяснить ему, что некоторые территории уже заняты, пусть даже формально я и остаюсь в стороне.

Но я промолчал. Моя роль — быть стеной, за которой можно укрыться. Если эта стена увидит, что ей нашли уютный дом рядом с другим строением... Что ж, значит, таков порядок вещей. Я буду защищать их обоих. Просто потому, что так правильно. Даже если от этого больно.

Да, забавно. В той жизни я бы действительно страдал. Я бы изводил себя мыслями о том, что она недостижима, строил бы в голове воздушные замки, писал бы ей дурацкие стихи и мучился от каждого её случайного прикосновения или взгляда, обращённого к другому. Это

был бы классический подростковый мазохизм: любить издалека, ничего не делать и упиваться собственной болью.

Я бы видел в историке Андрее врага, соперника, которого нужно ненавидеть. Ревновал бы до темноты в глазах, искал бы повод для конфликта. Мои гормоны и отсутствие жизненного опыта превратили бы эту симпатию в ядовитую язву, которая разъедала бы меня изнутри.

Но сейчас...

Сейчас всё было иначе. Спокойствие. Именно оно стало моим главным оружием и бронёй. Взгляд тридцатилетнего мужчины видит картину целиком, а не только сиюминутное желание обладать. Я вижу её счастливой. По-настоящему. И если источником этого счастья становится другой мужчина — умный, добрый и, главное, *ровесник*, — то моя задача не мешать.

Это не френдзона. Это мудрость.

Вместо ядовитой ревности я испытывал странную, почти отеческую теплоту. Теплоту человека, который знает цену безопасности и покою. Видеть её расслабленной, слышать её смех без ноток напряжения — вот что стало моей главной наградой. Я построил вокруг неё защитный купол, и теперь наблюдал, как внутри него расцветает жизнь. Моя миссия выполнена.

Мы шли по заснеженной улице, фонари отбрасывали длинные тени. Она рассказывала что-то про завтрашний урок, про то, как дети отреагировали на опыт с катушкой индуктивности. Я слушал вполуха, просто наслаждаясь звуком её голоса и тишиной между словами.

— Ты чего улыбаешься? — вдруг спросила она, толкнув меня локтем в бок.

Я посмотрел на неё. На её выбившуюся из-под шапки прядь волос, на румянец от мороза.

— Да так... Подумал, насколько же проще жить, когда тебе не пятнадцать лет.

Она рассмеялась, и в этом смехе не было ни капли неловкости.

— Иногда ты говоришь такие вещи, что мне кажется, будто общаюсь со своим дедушкой, который случайно попал в тело школьника.

— Поверь, твой дедушка был бы в ужасе от моих оценок по алгебре, — усмехнулся я в ответ.

И это была чистая правда. Никакого надрыва. Никакой драмы. Просто два человека, идущих рядом сквозь холод. Один — защищает. Другая — живёт. Идеальный баланс. Забавно, как иногда второй шанс даёт не то, что ты хочешь, а то, что тебе действительно нужно.

Жизнь вошла в рабочий ритм, похожий на идеально отлаженный механизм. Днём — школа и практика, где я уже не просто помогал, а вёл часть проекта для местного агрокомплекса, получая за это вполне взрослые деньги. Вечером — гараж, паяльник и схемы. Мои руки становились грубее, обрастая мозолями от работы с металлом и припоем, но движения оставались точными.

Отец больше ни о чём не спрашивал. Он просто смотрел, как я вешаю на стену новый турник или разбираюсь в плате управления, и молча кивал. Его уважение было абсолютным. Мать же просто радовалась тому, что её сын ест за ужином и перестал сутками сидеть в своей комнате, глядя в одну точку. Она видела во мне «нового» сына и любила его так же сильно.

А потом всё снова полетело к чертям.

Это был обычный вторник. Последний урок физкультуры перед зимними каникулами. Мы играли в баскетбол в старом спортзале, пахнущем пылью и резиной. Я стоял под кольцом, блокируя броски. Игра была вялой, никому не хотелось напрягаться.

Вдруг мяч вылетел за пределы площадки и покатился прямо под ноги Ольге Викторовне. Она как раз заглянула в зал, чтобы позвать кого-то из нас помочь перенести наглядные пособия. Класс замер. Все знали про негласное перемирие, но никто не знал границ дозволенного.

— Ольга Викторовна! Подайте, пожалуйста! — крикнул кто-то с площадки.

Она улыбнулась, легко наклонилась, подняла мяч... И тут Костя Савельев, этот мелкий паразит, решил показать свою удаль. Вместо того чтобы просто забрать мяч у неё из рук, он сделал вид, что хочет выхватить его на скорости. Резкое движение плечом, толчок...

Ольга потеряла равновесие. Чтобы не упасть, она инстинктивно оперлась рукой о ближайшую шведскую стенку. Раздался глухой удар и её тихий вскрик боли.

Время замедлилось. Для всех остальных прошла секунда. Для меня — вечность.

Я увидел всё: испуганный взгляд Кости, который сам не ожидал такого результата; руку Ольги, прижатую к металлическому профилю; боль в её глазах. Ярость была не горячей, а ледяной. Это был не гнев подростка, а приговор судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.